

— Я? Я учусь во втором классе старшей школы Таканодай. Живу здесь с поступления.

Акинэ-тян помогла мне расставить и разложить оставшиеся вещи по местам.

— Значит, ты родом с Канся. Не грустно жить одной, без родителей?

— Ни капельки! Здесь жутко интересно!

Ее манера разговора и располагающее к себе лицо доказали мое первоначальное впечатление — у Акинэ-тян действительно был легкий характер и голова на плечах. До нее среди моих знакомых девушек старше меня была только Эрико, и как же разительно они отличались друг от друга!

Уж не знаю, в чем была причина, в разыгравшемся чувстве самосохранения или еще в чем-то, но Эрико практически все время меня игнорировала, а мне ничего не оставалось, кроме как молча это сносить, что естественным образом вылилось в общее неприятие мной девушек. Я воспринимал их как ранимых и истеричных созданий, с предубеждением относящихся ко всем лицам мужского пола, только потому что они его представители. Поэтому я выработал для себя правило: как в той поговорке про не буди лихо, пока оно тихо, мудрее всего в отношении с девушками держаться на расстоянии, помалкивать и вообще не связываться. Даже на предложение купающегося в женском внимании Хасэ: «Тут с тобой кое-кто познакомиться хочет, может, хватить крутить носом и попробуешь подружку завести?», — я ответил категорическим отказом. Мне хватало отношения одноклассниц, которые, как и Эрико, открыто меня избегали.

— Это потому что у тебя на лице написано: «Не подходи — убьет». — Кажется, именно так со смехом прокомментировал мою причину Хасэ.

Может, и так. Со смертью родителей не только вся моя жизнь перевернулась с ног на голову, я и сам изменился.

Постоянное психологическое напряжение из-за пребывания в доме дяди, необходимость планировать расходы, свое будущее и многое другое, переживания насчет насущных проблем — из-за всего этого я разучился смеяться от души.

«Куда тебя не позовешь, ты всегда отказываешься».

«Вечно хмурый ходишь».

Так от меня отдалился сначала один друг, затем второй, третий, пока не остался один Хасэ. О каких подружках могла идти речь?

Зато Акинэ-тян совершенно легко и свободно общалась со мной, хотя мы буквально только что

с ней познакомились. Точно мы с ней закадычные подружки. Или приятели. Ни капельки не тревожась, что едва меня знает. Болтая о всяких пустяках, она то не стесняясь хохотала, то хлопала меня по спине. Такое поведение было мне в новинку. Оказывается, бывают и такие девушки, как Акинэ-тян, — для меня это стало приятным открытием.

Из разговора с ней я узнал, не только что она приехала издалека и одна снимает комнату в этом особняке, но и что днем ходит в старшую школу, а ночью работает в больнице. Причем поселилась она здесь по совету знакомого врача из этой самой больницы. Учитывая все это, ее жизнь никак нельзя было назвать безоблачной, но по ней этого было не сказать. Наверняка причина кроилась в ее внутренней силе и жизнерадостности.

— Ясно... Трудно без родителей, да? — спросила Акинэ-тян, глядя на две поминальные таблички.

— Я уже привык, — по-взрослому сухо отозвался я.

В ответ на мою горькую усмешку девушка едва заметно, но очень тепло улыбнулась. Без обычной для нее веселости, а с ноткой грусти и искреннего сочувствия, чем застала меня врасплох.

— Не спешил бы ты так взростеть, — не переставая улыбаться, сказала Акинэ-тян. Ненавязчиво, но в то же время очень серьезно. Почти как Хасэ.

Меня охватило странное чувство, будто, не знаю, почему, но с ней я могу и хочу говорить обо всем, что угодно.

— Акинэ-сан... Это правда... Что здесь водятся привидения? — запинаясь, все же спросил я.

Акинэ-тян невинно улыбнулась.

— А ведь точно, местные чаще зовут это общежитие не «Котобуки», а «Особняком нежити».

— Котобуки? Ах да, это же здешнее название.

И почему я все это время ни разу его не вспоминал? Надо же, такое классическое название...

— Что такое, Юси-кун? Привидений боишься? — насмешливо улыбнулась Акинэ-тян.

Я задумчиво наклонил голову.

— Как бы сказать... Не знаю. Я их никогда не видел. Поэтому есть они или нет — мне как-то все

равно...

— Правильно! Привидения совсем не страшные! — продолжая уборку, бодро заявила Акинэ-тян. У меня возникло смутное ощущение, что она очень ловко сменила тему.

— Де... Действительно.

— Рури-Рури приготовила собу в честь переезда! — зашел в комнату Поэт с подносом в руках. Аккуратно разложенные, прямо как в специализированном ресторане, колечки собы и тэмпура, да еще украшенные веточкой цветущей сливы, смотрелись крайне аппетитно!

— Кто такая «Рури-Рури»?

— Рурико-сан. Наш повар. Готовит — пальчики оближешь! — уминая собу, пояснила Акинэ-тян.

Причем «уминая» в буквальном смысле слова. Глядя, с какой живостью она набросилась на еду, я удивленно вытаращился. Поэт расхохотался.

— Акинэ-тян у нас тот еще троглодит!

И правда, ее порция была в три раза больше моей. В три!

— Я ем в три раза больше обычного человека.

Да уж, нечасто можно услышать нечто подобное из уст юной барышни. Но беззаботный смех Акинэ-тян и Поэта оказался настолько заразителен, что я невольно к ним присоединился.

Наслаждаясь потрясающе вкусной собой, я слушал, как сильно колотится в груди сердце в предчувствии всего хорошего, что наверняка ожидает меня здесь.

Уборка уже подходила к концу, когда снаружи донесся раскатистый рокот мотора.

— Мотоцикл! — я высунулся из окна. — Ого! У него сзади собака сидит! Ничего себе! Вдвоем с собакой ездит!

— Это Акира-сан из сто третьей комнаты.

— Юси-кун! Иди сюда! — позвал снизу Поэт.

Мы с Акинэ-тян спустились на первый этаж.

— Акира Фукасэ из сто третьей комнаты. Художник. Мой давний друг.

Представленный Поэтом мужчина был крепкого телосложения и весь с ног до головы облачен в черную кожу. Образ дополняли высветленные взлохмаченные волосы, сигарета и буквально впившийся в меня невероятно тяжелый и, как мне показалось, надменный взгляд.

— Я... Юси Инаба. Приятно познакомиться...

Художник? Кожу его мотоциклетного костюма украшало похожее на татуировку изображение королевской кобры. И точно такая же кобра скалилась с его огромного мотоцикла. Как ни посмотри, он скорее походил на члена банды байкеров.

Я невольно поежился, но тут между нами встал громадный пес. Размером с пиренейскую горную собаку, серый, с большими, как у немецкой овчарки, ушами и мощной пастью, а его золотистые глаза буравили меня не слабее хозяйских.

— Это Сигар. Говорит, что с ним тоже нужно поздороваться, — резким тоном заявил Художник.

— А, вот оно что. Здравствуй, Си... Сигар, — наклонившись, поздоровался я, но в ответ пес недовольно зарычал.

— Говорит, кланяйся ниже.

Ситуация начала меня подбешивать, но нельзя же было ругаться. «Ну погодите...» — прошипел я про себя, склоняя голову. И тут Сигар всем своим немалым весом прыгнул мне на спину.

— Эй?! — успел я издать короткий вопль, прежде чем оказался впечатанным в землю.

— Гха-ха-ха-ха-ха! Повелся! Повелся!

Художник, Поэт и Акинэ-тян расхохотались и принялись тыкать пальцами в распластанного под Сигаром меня.

— Сигар совсем не страшный, Юси-кун. Это у него такой способ знакомства.

— Но лишь с представителями мужского пола.

— Тогда понятно... — после небольшой паузы выдавил я. Дурацкий способ!

Но даже оказавшись в роли матраса для Сигара и будучи осмеянным, я совсем не обиделся. Мне еще не приходилось сталкиваться с подобным к себе отношением — сплошные сюрпризы.

Сигар затем тщательно вылизал мое вытянутое в растерянности лицо. Очень душевно и со щедрым количеством слюны.

«А ведь я в начальной школе мечтал о собаке...» — вдруг вспомнилось мне, и я погладил Сигара по спине. Художник, не выпуская изо рта сигареты, с улыбкой за мной наблюдал. Они все улыбались. И пес, и его хозяин оказались страшными только на первый взгляд — какое облегчение.

— Так ты фанат Рэймэя? Значит, тоже извращенец, — со смехом констатировал Художник.

— Во... Вовсе нет!

— Не хочешь заморозить любимую и каждую ночь облизывать ее с ног до головы?

— Не хочу! Я фанат стиля письма Иссики-сана!

— Я совсем не понимаю его произведений.

— Потому что ты нормальная.

— Не то чтобы я прямо все понимал... Стихи вот совсем не понимаю.

— Я, знаешь, тоже твои картины не понимаю, Фукасэ.

— А что вы рисуете, Фукасэ-сан?

— Ну... Знаешь Энди Уорхола?

— Нет, не знаю.

— И я не знаю.

— Но я слышала, за границей картины Фукасэ-сана очень популярны.

Какое-то время мы оживленно общались вчетвером, греясь под лучами заходящего солнца. Казалось, я враз обзавелся старшим братом и сестрой. Было интересно и весело. Как же я тосковал по подобной атмосфере, когда можно вот так, не скрывая эмоций, болтать и смеяться.

Здорово, что я сюда переехал! Но стоило мне об этом подумать...

— Ой, мне же нужно собираться на работу! — поднялась на ноги Акинэ-тян.

— Ой, а я же так и недоразобрал вещи!

Я вслед за Акинэ-тян зашел в особняк.

Царящий внутри полумрак стал заметно насыщеннее.

Опустив на входе в прихожую взгляд на пол, я вдруг увидел на нем отпечатки множества ног, хотя днем ничего такого не заметил.

«Сколько тут жильцов до меня было, неудивительно, что следы в половицах остались», — подумал я. Вот только среди этих по большей части совершенно обычных человеческих отпечатков затесались и весьма странные. Узкие трехпальцевые, похожие на птичьи лапки, и округлые как у зверей, а еще несколько ненормально больших и ненормально маленьких...

Тогда я впервые подумал: «Странно». Но что именно показалось мне странным, я тогда еще не понимал. Обычное общежитие, и жильцы самые обычные. Слухи о привидениях наверняка всего лишь слухи, здание-то старое. Но в заметно сгустившихся по сравнению с днем тенях ощущалось некое присутствие. Сердце тревожно забило.

В этот миг раздался громкий перестук. От неожиданности я едва не подпрыгнул.

Заглянув в гостиную, что была сразу за прихожей, я обнаружил в углу комнаты ширму, за которой виднелись несколько двигающихся силуэтов.

— Так это они в маджонг играют, — с облегчением выдохнул я и начал подниматься на второй этаж, но на середине лестницы до меня с запозданием дошло. — А кто это вообще был? И когда они успели там устроиться?

Не говоря уже о том, что играли они в самом углу и не включая света.

«Они там водятся», — прозвучал в голове голос риэлтора Маэды.

— Ха-ха... Глупости.

Привидения? Здесь? И вообще, что такое привидение? Нечто то появляющееся, то исчезающее, как Оива в пьесе? Решительно помотав головой, я продолжил подъем.

Коридор второго этажа протирала маленькая, ростом не выше младшеклассника бабушка в красно-коричневой юбке, кремового цвета кардигане и белых носках. Встретившись со мной взглядом, она широко улыбнулась, отчего внешние уголки ее глаз опустились еще ниже, и лицо стало напоминать маску Отафуку. Я невольно улыбнулся в ответ.

«Тоже, что ли, здесь живет?..»

Но еще совсем недавно я думал, что в особняке кроме меня, Поэта, Художника и Акинэ-тян никого нет...

— Точно, Рурико-сан!.. — вспомнилось мне вдруг, когда я, уже закончив с уборкой, обозревал «свои владения». Меня переполняло чувство глубочайшего удовлетворения.

— Юси-кун! Идем ужинать! — зашла в комнату Акинэ-тян.

— О, уже столько времени?

— Ужин обычно с шести до восьми накрывают. Но у Рурико-сан всегда найдется что-нибудь горячее, когда к ней ни придешь. Для меня так она каждую ночь готовит! — Акинэ-тян игриво высунула язык. Какая же она все-таки непосредственная и смешливая.

— Здорово!

Мы вышли в коридор и наткнулись на ту же бабушку, продолжающую протирать пол.

— Слушай, а это...

— Ты о Судзуки-сан? Она уборщица.

— А, понятно. Ха-ха...

Но это не развеяло мои смутные сомнения. Они лишь усилились, стоило мне шагнуть в столовую на первом этаже.

Все столы были заняты. Просторное, примерно в десять татами[□]Около 18 кв. м. помещение было практически забито под завязку. Между столами бегал маленький ребенок в компании собаки. Поэт и Художник тоже были здесь, но они-то как раз ладно, а как вам попивающий чай худющий как скелет дедушка? Или круглый как енот Сигараки мужчина-коротышка? А неподвижно сидящая на стуле длинноволосая женщина? Где они, спрашивается, были все это время?!

— Что...

— Угощайся, Юси-кун, сегодня праздничный ужин в твою честь! — с этими словами Акинэ-тян поставила передо мной поднос с порцией свиной отбивной в панировке с гарниром, при виде которого у меня буквально потекли слюнки.

Аппетитная хрустящая панировка. Крупные листы салата. Маленькая плошка молодых побегов акебии с кунжутом. Кубик охлажденного тофу. Маринованные огурчики.

— Рис и мисо-суп здесь. Бери добавки, сколько хочешь.

Каждая рисинка — а порции Акинэ-тян не пожалела, наложила с горкой — так и переливалась на свету.

— С... С ума сойти!..

Словами это нельзя было описать. Нежнейшая свинина прямо таяла во рту. Мисо-суп, сваренный на крепком бульоне с добавлением дайкона и жареного тофу, мог соперничать с подаваемым в первоклассном ресторане традиционной кухни.

— Объедение! Рурико-тян, этот травяной салат просто нечто! — воскликнул Поэт, и я, активно работая челюстями, согласно закивал. Мало того, что сейчас повар при общежитии сама по себе большая редкость, но попробуй найди где-нибудь еще столь же вкусный ужин! Я дважды ходил за добавкой и риса, и мисо-супа. В жизни не ел так много домашней еды. Хотя мой рекорд не шел ни в какое сравнение с Акине-тян, которая с одними лишь маринованными огурцами умяла четыре огромные плошки риса.

Вот только отделенная секцией шкафов кухня была подозрительно затемнена, и Рурико-сан, что должна была там находиться, совсем не было видно. Время от времени косясь в ту сторону, я успевал заметить лишь какое-то белое смазанное пятно, но и оно тут же терялось во мраке.

— Скажи, а все эти люди — они живут в общежитии? — вдоволь наевшись, запоздало спросил я у Акинэ-тян.

— Ямада-сан — да, — она указала на круглого коротышку. — А остальные живут по соседству. Здесь у них что-то вроде места сбора, — со смехом добавила она.

Я посмотрел на Поэта и Художника: оба лукаво ухмылялись. Очень странно. Но раз Акинэ-тян так говорит, наверняка все так и есть. И все-таки что-то не давало мне покоя. Но что... Из-за чего...

Заглянув после ужина в гостиную, я увидел все те же игроков в маджонг, сидящих плотным кружком за ширмой в углу комнаты. Разглядеть их не получалось, только и смог разобрать, что

силуэтов было четыре. Мальчик в компании не отходящей от него ни на шаг собаки смотрел по телевизору какую-то незнакомую программу.

— Не понимаю...

В задумчивости склонив голову набок, я вернулся к себе в комнату. Судзуки-сан продолжала протирать коридор второго этажа.

— Не понимаю!..

Что-то меня во всем это смущало. Но ведь и Поэт, и Художник, и Акинэ-тян спокойно здесь живут, может, я просто еще не привык, поэтому мне все что-то мерещится?

«Даже не знаю...», — подумал я, переводя взгляд на учебники для старшей школы. Послезавтра для меня начнется новая жизнь в качестве старшеклассника.

— Точно, в Дзёто ведь есть клуб разговорного английского.

У меня был четкий план: как следует налечь на английский, экономику, информатику и другие предметы, что могут помочь стать высокопрофессиональным предпринимателем или госслужащим. Некогда мне валять дурака, как многие мои сверстники.

— Юси-кун, идем в ванную! — зашел ко мне с предложением Поэт. Знаменитый (хоть и весьма своеобразный) писатель зовет меня в ванную! Прознай о такой роскоши его фанаты, и мне точно несдобровать.

— Иду!

Спустившись по лестнице, мы увидели у входной двери Акинэ-тян.

— Я ушла! — бросила она на прощанье, выбегая из дома. Судя по ее словам, после ночной смены в больнице Таканодай Акинэ-тян спит там же всего три часа, затем возвращается в общежитие и идет в школу.

— Ну у нее и ритм жизни! И как она, совсем не устает?

— Ни капельки, похоже, — легкомысленно улыбнулся Поэт. Мне очень хотелось ему напомнить, что существуют же ограничения трудовой деятельности несовершеннолетних, к тому же она, не будучи дипломированной медсестрой, работает в ночную смену в больнице, но я не решился. У всех свои жизненные обстоятельства.

— Кстати, я ведь так и не видел ванную. Она же в подвале, да?

— Ага. Причем огромная. Тебе наверняка понравится.

На лестнице, ведущей в подвал, нам встретила протирающая ступеньки Судзуки-сан.

— Смотрю, Судзуки-сан, усердия вам, как всегда, не занимать.

В ответ Судзуки-сан молча улыбнулась Поэту.

— Иссики-сан, а она...

— Судзуки-сан постоянно убирает общежитие. Здорово, правда? Так и хочется снять перед ней шляпу.

— Да, наверное...

Внизу темной лестницы нас моментально окутало паром.

Его источником был целый бассейн с термальной водой.

Перед глазами точно растянули снимок из рекламного проспекта первого класса рёкана с горячими источниками: естественного происхождения бассейн посреди кажущейся самой настоящей, подсвеченной теплым мягким светом карстовой пещеры, какие можно увидеть на плато Акиёсидай. Потолок щетинится сталактитами, из стен и потолка «вырастают» похожие на грибы и блюдца известковые образования. Вода в бассейне густая и с металлическим блеском, похоже, действительно термальная.

— Ах... Какое блаженство! Не устаю это повторять!

На полном автомате я зашел в бассейн и сел рядом с расслабляющимся Поэтом. И тут меня накрыло.

— Быть не может!.. Это уже чересчур!

Чтобы прямо посреди городского района была подземная пещера с термальным источником — да кто в это поверит?! Погруженные в горячую воду руки и ноги похолодели, а сердце грозило выскочить из груди.

— Иссики-сан... С этим... Общежитием... Что-то не так... — с трудом, запинаясь от страха, но все же выдал я.

На что Поэт все в той же крайне легкомысленной манере ответил:

— Ну еще бы. Здесь все-таки нежить живет.

— Что?..

— Маэда-сан же тебя предупреждал. Что «они тут водятся».

Невинное выражение на его лице показалось мне зловещей маской.

— Правильно я говорю, Домовладелец?♪

Обернувшись, Поэт подмигнул темноте позади нас.

«Темнота» неторопливо зашевелилась.

Из нее проявилось огромное черное нечто. Гладкое, похожее на гигантское яйцо тело завершалось парой маленьких глаз, которые смотрели прямо на меня.

«Домовладелец» прямо в бассейне склонился в приветственном поклоне. Я невольно поклонился в ответ, но уже в следующую секунду пулей выскочил из воды.

— И-и-и-иссики-сан!!! Домовладелец почему-то совсем не похож на человека!!!

Поэт насмешливо улыбнулся.

— Потому что он не человек.

С этого момента мои воспоминания обрубаются.

Очнулся я утром. В постели в своей комнате.

— Ну и странный сон мне приснился!

Наверное, все из-за резкой смены обстановки.

В чистом утреннем воздухе зелень деревьев за окном казалась особенно красивой.

Откуда-то совсем близко донесся птичий щебет. Я осторожно открыл окно и выглянул. Интересно, что это за птицы? Маленькие, красивого синего окраса, они сидели втроем на ветке. Все три посмотрели на меня. И хором сказали:

— Доброе утро. Хорошо спал?

Я молча захлопнул окно. В горле вдруг резко пересохло. Выйдя из комнаты, я столкнулся с поднимающимся по лестнице Художником.

— О, проснулся? Все нормально? — спросил он, как мне показалось, изо всех сил сдерживая улыбку.

— Ага...

— Домовладелец беспокоится, Юси.

— Домовладелец...

В начале лестницы стоял «Домовладелец». Огромное черное тело было закутано в белое кимоно и подвязано фиолетовым поясом. Торчащие из рукавов крошечные ручки держали большой грессбук с надписью «Арендная плата» на обложке.

— Уа-а-а!!!

Подпрыгнув в испуге, я с размаха плюхнулся задом на ступеньку, лишь каким-то чудом избежав падения с лестницы. Художник согнулся пополам от хохота.

— Но... что? Что это такое? Это такая шутка, да?! Это же мягкая игрушка или еще что-нибудь такое, да?!

— Хочешь так думать — на здоровье, — сквозь смех сказал Художник.

Внизу Поэт поздоровался с Домовладельцем. Тот, несмотря на свое огромное тело, вежливо поприветствовал его низким поклоном. И Поэт, и Художник в отношении явно нечеловеческого существа вели себя совершенно естественно, что лишь усилило мое смятение.

— Т-так что... это при... привидение?! Но как... Что? Погодите... Но вы же с Иссики-саном люди... Почему... Иссики-сан сказал, он живет здесь больше десяти лет...

— Я тоже живу здесь больше десяти лет, — закурил Художник. — И никаких проблем.

Он опустил взгляд на мое лицо с выпученными глазами, и на его губах заиграла насмешливая улыбка.

Они все знали. И Поэт, и Художник. И, скорее всего, Акинэ-тян.

— То есть эта «Судзуки-сан», люди в столовой, игроки в маджонг... А!..

Как там сказала Акинэ-тян? «Остальные живут по соседству», а «здесь у них что-то вроде места сбора».

«Они там водятся».

Перед внутренним взором всплыло лицо риэлтора Маэды.

Если здесь правда водятся привидения...

Значит, мне придется с ними сосуществовать.

— Нет... Не верю... Этого не может быть...

У меня поплыло перед глазами. Я буквально ощутил, как привычная жизнь начинает рушиться. Но ведь Рэймэй Иссики и Акира Фукасэ — самые что ни на есть обычные люди, и при этом живут здесь. Уже больше десяти лет.

Вдруг в поле моего зрения попала Судзуки-сан, протирающая коридор второго этажа. Из окна за происходящим с огромным интересом наблюдали те самые синие птички. Откуда ни возьмись рядом появился маленький мальчик с собакой, и они оба, не мигая, глазели на меня. Несмотря на еще довольно холодное время года, на ребенке была лишь легкая кофточка, и тени они с собакой отбрасывали какие-то ненормально бледные.словно их тела просвечивали. Я невольно съежился. Но Художник как ни в чем не бывало подхватил мальчика с пола.

— О, Буся. Идем завтракать. Ты тоже, бросай строить глупые рожи и спускайся, Юси.

Держа на руках похужее на ребенка нечто, Художник, посмеиваясь, пошел по лестнице вниз. Похужее на собаку нечто потрусил следом. Домовладелец успел куда-то уйти.

Я в полном ошеломлении остался сидеть в одиночестве на ступеньке.

Через открытые нараспашку входные двери в особняк лился прохладный утренний воздух. Щebetали птицы. Обычное весеннее утро, что можно встретить где угодно.

— Вот только в этом общежитии обитает нежить и водятся привидения...

Я просто не мог в это поверить. Ведь здесь так спокойно, еда такая вкусная, и в соседях у меня такая же, как я, старшеклассница, и Поэт с Художником живут себе тихо-мирно уже больше десяти лет...

— «И никаких проблем»?..

Так сказал Художник.

— Никаких проблем... и что? Этого достаточно?..

Судзуки-сан протирала оконное стекло. В испещренных трещинами стенах шевелилось нечто, похожее на ожившую плесень. Сбоку коридора шептались о чем-то две черные тени. А из столовой доносились умопомрачительно вкусные запахи.

— Удивился? — спросил, подняв на меня глаза, Поэт. Судя по выражению его лица, его все это откровенно забавляло.

— Иссики-сан.

— Если хочешь вернуться домой, я помогу собрать вещи.

Услышав это, я крепко сжал кулаки. Либо я остаюсь в этом общежитии нежити, либо возвращаюсь в дом дяди.

«И третьего не дано», — на удивление спокойно подумал я и невольно усмехнулся.

Я встал.

— Для начала...

— Для начала?

— Я позавтракаю.

В ответ на это Поэт захохотал.

— Молодец, Юси-кун! Так и надо!

Одновременно с тем, как я спустился, в общежитие вернулась Акинэ-тян. Глядя на то, как энергично она бежит к входу, никак нельзя было сказать, что у нее за плечами целая ночная смена и всего три часа сна.

— Я дома!

— Привет, с возвраще...

Я осекся и выпучил глаза.

— А... Акинэ-сан! С-с-сзади!

— М?

За спиной обернувшейся на пороге Акинэ-тян стояло похожее на мужчину нечто в черной гавайской рубашке. В это время гавайские рубашки сами по себе смотрятся странно, но почему, спросите, я описал это как похожее на мужчину нечто? Потому что у него не было головы.

— П... П-привидение! Это сто процентов привидение! Круто! А... Это как, к-круто?

Пока я при виде первого привидения, которое действительно выглядело как привидение, понес глупости, Акинэ-тян без особого удивления сказала:

— Ну вот, так пошел за мной!

— П... Пошел за тобой?

— Он постоянно наблюдал за мной с перекрестка перед станцией.

«Но у него же лица нет»? — заметил я про себя.

— Я делала вид, что не замечаю, но он, похоже, все равно мной увлекся.

— Привидение-сталкер?..

Акинэ-тян шумно втянула носом воздух и встала напротив привидения в решительную позу, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока. Так я и думал. Для Акинэ-тян подобное было в порядке вещей. Она жила в Особняке нежити, прекрасно зная, что он из себя представляет. Все это происходит на самом деле!

— Раз ты пошел за мной, то понимаешь, чем это для тебя закончится? — спросила Акинэ-тян безголовое привидение. — Я знаю, что ты за человек. Ты даже умерев не оставил своей привычки преследовать ни в чем не повинных девушек. Даже смерть не научила тебя, как это гадко!

Акинэ-тян сердито посмотрела на привидение. Вдруг — даже я это почувствовал — атмосфера вокруг изменилась. Еще никогда я не испытывал ничего похожего, по всему телу побежали мурашки. Что-то должно произойти!

— Если бы ты оставался по-хорошему там, я бы тебя не тронула...

Акинэ-тян начертила руками в воздухе какую-то фигуру. Затем на секунду сложила ладони в молитвенном жесте и с криком резко вытянула их в сторону привидения.

— Изгоняю!!!

Бам! Воздух содрогнулся от невидимого удара, и у меня опять по всему телу побежали мурашки. Привидение отшвырнуло назад, и оно исчезло.

Мозг категорически не понимал, что сейчас произошло. Но дрожь во всем теле, исходящая, казалось, из самых костей, являлась надежным свидетельством того, что мне ничего не почудилось. Вся моя прежняя жизнь, весь мой здравый смысл, все мои знания о мироустройстве, абсолютно все оказалось перевернуто с ног на голову. А эта девушка, развернувшись, улыбнулась мне как ни в чем не бывало!

— Ну что, идем завтракать? А то у меня уже живот от голода сводит!

— А... Акинэ-сан, кто ты...

— Я? Я экзорцист! — с горделивой ноткой в голосе объявила она.

— Экзо?..

— С возвращением, Акинэ-тян. Сегодня в меню жареная в соли сабля-рыба, мисо-суп с тофу, натто, яичный рулет и картофельный салат с ветчиной, — тоже совершенно невозмутимо сообщил Поэт.

— Вау! Рурико-сан, я тебя люблю! Обожаю! — с криком метнулась в сторону столовой Акинэ-тян.

Поэт с насмешливой улыбкой наблюдал за мной, пока я тупо провожал ее взглядом.

— Кто такие... экзорцисты?

— Если не ошибаюсь, изгоняющие плохие привидения, — развел руками Поэт. — Скажи же, как интересно жить, когда столько всего происходит, есть столько разных людей. Этот мир не так уж плох.

После этих слов меня охватило незнакомое прежде чувство.

— А теперь пошли завтракать, Юси-кун. Ты же наверняка голоден.

Кстати говоря, и правда.

Для начала позавтракаю. Для начала. Подумаю потом.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344782>